

Прошло два часа с тех пор, как Ши Жосянь попробовал засахаренную сливу.

Все это время Се Моюнь просил кучера припарковать повозку на обочине, чтобы тихо ждать, пока Ши Жосянь проснется. Поначалу тот притворялся спящим, но потом незаметно для самого себя уснул по-настоящему.

Когда Ши Жосянь открыл глаза, Се Моюнь отложил книгу и протянул ему бумажный сверток размером с ладонь.

— Ось сломалась, кучер ушел за новой. Я заскучал в повозке, прогулялся до рынка и купил тебе кое-что на пробу.

— Какое совпадение? — Ши Жосянь принял сверток, и сквозь небольшое отверстие в бумаге сразу повеяло кисло-сладким ароматом. — Купил на ходу и сразу наткнулся на те самые сливы, которые мне хотелось?

Се Моюнь тихо хмыкнул и добавил:

— Хозяйка лавки посоветовала.

Ши Жосянь моргнул:

— Правда?

— А что такого?

— Супруг, что это за дела?

Ши Жосянь решительно поднялся, поправил полы одежды и поспешил за Се Моюнем:

— Супруг, я не могу без тебя, возьми меня с собой!

Загадочно и необычно. Се Моюнь покачал головой:

— Ты не поймешь.

Ши Жосянь с силой запихнул в рот несколько слив и, надув щеки, задумался: почему Се Моюнь предпочел солгать, вместо того чтобы просто сказать правду? Разве есть что-то такое, о чем нельзя рассказать близкому другу?

Се Моюнь, чей взгляд в книге зацепился за фразу: «Поскольку он не спорит, никто в Поднебесной не может с ним спорить», — сам не заметил, как перевел взгляд на Ши Жосяня. Он смотрел на его довольное личико от того, что сливы пришлись по вкусу, на его раздутые, как у бурундука, щеки. Пожалуй, именно поэтому главный герой и является главным героем.

— За последние два месяца участились записи о пропавших детях, невыплаченных долгах и плохих урожаях. Хотя на утренних докладах при дворе твердят, что в столице царит мир и покой, только вникнув в эти мелочи, понимаешь: жизнь простого люда нынче тяжела. Если даже под ногами у Сына Неба творится такое... боюсь, в этом году придется заложить побольше зерна в закрома.

Но когда повозка вернулась в поместье Девятого принца, Се Моюнь снова оказался в привычной обстановке.

Ши Жосянь подбросил в воздух еще пару слив и поймал их ртом.

Ши Жосянь:

— Прошу прощения.

— В восточной части города у одной старушки пропала курица.

Под пристальным взглядом Ши Жосяня лицо Се Моюня внезапно залилось краской. Он кашлянул и, слегка отведя взгляд в сторону, проговорил:

— Кучер вернулся, можем отправляться.

Теперь в глазах Ши Жосяня Се Моюнь был не супругом и не другом, а надежной золотой опорой.

Ши Жосянь подпер щеку рукой и заглянул в бумаги, но, сколько ни смотрел, ничего не понял, поэтому принялся расспрашивать.

Тем временем Матушка Шао уже давно ждала возвращения Ши Жосяня.

— В ресторан «Вансян» заглянули несколько должников.

Ши Жосянь возмутился:

— С чего это я не пойму?

Лучик света пробился сквозь окно кареты и упал на Ши Жосяня. И правда, будь то древние времена или наши дни, тетушки с пучками на голове — народ не из легких.

Ши Жосянь сказал себе: раз уж Се Моюнь дожил до таких лет, и никто ему не сказал, что, когда он лжет, то начинает много болтать, то он просто сделает вид, что ничего не замечает.

Он быстро взял бумагу, кисть и тушечницу, протянув их Ши Жосяню.

Ши Жосянь немного подумал и постарался найти положительную оценку:

— Супруг, ты и правда так любишь помогать людям.

Ши Жосянь просиял, гнев как рукой сняло, и его глаза, глядящие на Се Моюня, засияли.

*

В кабинете Се Моюнь писал примечания к документам. Весь замкнутый объем кареты наполнился светом. Хотя встречу с помощником министра У пришлось отменить, у Се Моюня оставалась еще куча дел.

— Девятый принц занят делами, и супруга девятого принца, естественно, должен стараться не отставать. Ни рукоделие, ни правила приличия нельзя забрасывать, я непременно всему обучу вас, не тая секретов.

То ли у кого-то бандиты отобрали деньги, то ли чьи-то дети не могут позволить себе частную школу, а случилось, что и поросенок сбежал — все эти жалобы стекались к нему.

Не понять.

Ши Жосянь наклонился к левой руке Се Моюня, и аромат засахаренной сливы, исходивший от его пальцев и дыхания, окутал Се Моюня.

— Иди поиграй в той стороне, скоро подадут ужин.

Если бы в этот момент рядом было зеркало, Се Моюнь увидел бы, что на его обычно бесстрастном лице застыло выражение легкости и покоя.

Спросил еще пару раз — ответы были такими же.

Вместе с тем, что он услышал два часа назад, он решил притвориться, что ничего не знает.

Перед уходом Се Моюнь особо наказал Ши Жосяню:

— Не балуйся, если что нужно — приходи в кабинет.

Ши Жосянь подбросил сливу и поймал ее ртом.

— Я же сказал, что не пойму, но не ожидал, что супруг окажется таким проникательным!

Ши Жосянь потер нос. Почему этот тон кажется таким странным?

Лишь когда он начеркал на бумаге что-то невнятное, до него дошло. Тон, которым говорил Се Моюнь, был в точности таким, каким взрослые отделиваются от назойливых детей.

Ши Жосянь, прикусив кончик кисти, искоса посмотрел на Се Моюня и принялся старательно рисовать.

Се Моюнь, долго не слышав голоса Ши Жосяня, поднял глаза и увидел, что тот прилег на стол и рисует. Несмотря на то, что поза с широко расставленными ногами была не самой изящной, выражение лица было предельно серьезным.

Се Моюнь уже хотел удивиться, как слуги постучали в дверь, приглашая к ужину. Ши Жосянь при упоминании еды вскочил, и Се Моюнь мельком увидел на бумаге черепаху, на панцире которой было написано «Се Моюнь».

Се Моюнь взял лист, чтобы рассмотреть. Почерк был кривой, повсюду кляксы, но старания было не отнять.

Ши Жосянь уже вышел, но, заметив, что Се Моюнь не идет, обернулся:

— Супруг, поторопись... Эй, что ты делаешь у шкафа?

Се Моюнь аккуратно запер дверцу шкафа на ключ:

— Иду.

Ши Жосянь посмотрел на пустой стол и виновато спросил:

— А где мой рисунок?

Се Моюнь прочистил горло:

— Я случайно опрокинул тушь, рисунок весь испачкался, пришлось выбросить.

Ши Жосянь склонил голову, глядя на Се Моюня: почему он опять так много говорит? Это подозрительно.

Се Моюнь невозмутимо произнес:

— Не знаю, что сегодня приготовили на ужин.

Внимание Ши Жосяня тут же переключилось на еду, и он перестал расспрашивать про рисунок. Ши Жосянь, чей желудок был покорен столичными лакомствами, с нетерпением ждал своего первого ужина в поместье принца.

В поместье Девятого принца сегодня выложились по полной: одно блюдо сменялось другим, каждое изысканнее предыдущего.

Матушка Шао перечисляла:

— Суп из бамбуковых грибов Лунцзин — легкий и питательный, голуби под соусом — нежные и пряные, а вот эти грибы с утиными лапками — из нашей собственной птицы, мясо необычайно нежное. А тушеная золотая черепаха — наше фирменное блюдо, даже наложница Ли каждый раз, когда навещает нас, велит кухне готовить его специально.

Ши Жосянь, держа палочки, восторженно сверкал глазами.

Но, казалось, это еще не все. Ши Жосянь с надеждой смотрел на дверь, как вдруг вошли несколько служанок с золотистыми коробами.

— Только заговорили о наложнице Ли, как и ее гостинцы спели.

Матушка Шао расплылась в улыбке, открывая короба и доставая тарелки.

— Лук-порей с морскими гребешками, паровая рыба-окунь, каша с устрицами и суп из трех черных ингредиентов — все это приготовлено для Девятого принца. Наложница Ли проявляет такую заботу.

С каждым названным блюдом лицо Се Моюня темнело.

Матушка Шао расставила присланные наложницей Ли яства перед Се Моюнем, а Ши Жосянь, прождав целую вечность, так и не дождался своей порции. Когда Матушка Шао наконец ушла, Ши Жосянь робко потянулся палочками в сторону Се Моюня.

Се Моюнь:

— Эти...

— Я так и знал, что ты не считаешь меня хорошим другом и братом, даже парой кусочков поделиться не хочешь, — Ши Жосянь обиженно отвернулся и пробормотал: — Столько лет братской дружбы, а я так ошибся в тебе.

Се Моюнь:

— ...

— Ешь тогда.

Ши Жосянь хихикнул:

— Спасибо, супруг.

Перепробовав все блюда, он заметил, что суп из трех черных ингредиентов стоит слишком далеко. Среди ярких яств только эта миска с черной, как смоль, жидкостью выглядела загадочно.

Поразмыслив, Ши Жосянь наклонился к самому уху Се Моюня и, растягивая слова, спросил:

— Супруг, а это что такое?

Его интересовало вовсе не вино, а желание отведать диковинку. Се Моюнь бросил на него взгляд:

— Хочешь попробовать?

Ши Жосянь энергично закивал. Се Моюнь пододвинул миску, но, сделав глоток, Ши Жосянь высунул язык от горечи.

— Тьфу, тьфу, тьфу! Почему такая горькая и терпкая?

Он убрал алый кончик языка и, не поверив, сделал второй глоток.

Се Моюнь невозмутимо произнес три слова:

— Для мужской силы.

Ши Жосянь выплюнул суп. Неудивительно, что Матушка Шао поставила это только перед Се Моюнем, неудивительно, что наложница Ли прислала это специально...

В горле Ши Жосяня запершило, а лицо выражало целую гамму чувств. Посмотрев на пустые тарелки, он слабо спросил:

— Значит, все эти блюда...

Се Моюнь ничего не ответил, лишь спокойно отпил чаю.

Ши Жосянь был сыт, но на душе у него похолодело.

— Почему ты мне не сказал? — обиженно и сердито спросил он.

— Я сказал, — ответил Се Моюнь, — но ты заявил, что я предал твое доверие, вот я и не стал останавливать.

На этот раз Ши Жосянь сам вырыл себе яму. Но он не ожидал, что это случится дважды.

Наступила ночь, в поместье Девятого принца воцарилась тишина. Ши Жосянь рано принял ванну и лег в постель, но его охватил необъяснимый жар, он ворочался под одеялом. То высунет ногу, то руку, но никак не мог остыть.

После нескольких попыток улечься, Ши Жосянь не выдержал, сел и откинул одеяло:

— Мне так жарко!

— На столе есть вода.

Се Моюнь заговорил хриплым голосом. Ши Жосянь настороженно посмотрел на него и увидел, что глаза Се Моюня налились кровью.

— Супруг, посмотри хорошенько, кто я!

Ши Жосянь распахнул одежду, указывая на свою плоскую грудь:

— Мужчина!

Лучше бы он этого не делал. Этот жест заставил Се Моюня посмотреть прямо туда. На большой участок ослепительно белой кожи...

Ши Жосянь вытаращил глаза:

— Ты чего слюни глотаешь?!

Он повернулся и положил подушку между собой и Се Моюнем, прочертив границу.

— Не смей пересекать черту.

Ши Жосянь предупреждал его, завязывая воротник. Се Моюнь хрипло ответил:

— Мы оба мужчины, ничего не случится.

Ши Жосянь нахмурился:

— Кто знает, когда у тебя проснется животный инстинкт.

В ту же секунду в тишине прозвучало отчетливое: «Мяу~»

Ши Жосянь замер:

— Вот! Твой инстинкт проснулся.

Се Моюнь:

— Это не я.

— Мяу~

Снова тот же звук. Се Моюнь встал, подошел к окну и с невероятной скоростью поймал виновника — черно-белого кота.

Се Моюнь:

— Он каждый день приходит воровать еду, так еще и хулиганит.

— Так вот о ком ты говорил, что надо проучить, чтобы запомнил?

— Да разве он запомнит? Его и поймать-то трудно.

Ши Жосянь посмотрел на котенка, и его сердце дрогнуло:

— Может, оставим его себе?

Не дожидаясь ответа, Ши Жосянь принялся выбирать имя. Он подпер подбородок рукой:

— Смотри, какой у него окрас — черно-белый, очень приметный.

Се Моюнь кивнул:

— Такой окрас называют Черная туча на снегу.

— Давай назовем его... Цзицзи.

Ши Жосянь показал рукой:

— Смотри на его мордочку: два кружка и полоска посередине, он же настоящий... ты понимаешь, о чем я?

Се Моюнь:

— ...

Лишь бы ты был доволен.

*

Глубокая ночь, тени от свечей дрожат. Матушка Шао, решив проверить, подействовали ли вечерние отвары, прокралась к спальне Девятого принца. Она припала к двери и услышала голос супруги девятого принца:

— Хочу погладить Цзицзи.

Матушка Шао покраснела до корней волос и поспешно удалилась.

Внутри Ши Жосянь, протягивая руку к коту, спросил:

— Разве есть еще другие коты?

Се Моюнь тихо рассмеялся:

— Старый кот, не обращай внимания.

<http://bllate.org/book/19091/1874923>